

З.И. Резанова

**ГЕНДЕРНАЯ МЕТАФОРА: ТИПОЛОГИЯ,
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ,
КОНТЕКСТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ¹**

В статье характеризуется один из типов гендерных метафор образных именовании мужчин и женщин на основе переосмысления явлений других понятийных сфер, выделяются подтипы по степени представленности гендерной оппозиции. Также проведен анализ словарей разных типов и Русского национального корпуса в аспекте их репрезентативности при метафорическом маркировании гендерных смыслов. Ключевые слова: гендер, гендерная метафора, лексикография, корпусные исследования.

В современной лингвистике широкое распространение получил термин «гендер» (gender), введенный в социологию в 1950-е гг. Джоном Мани, в противопоставление термину пол (sex): пол – анатомо-физиологические особенности людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины и женщины, гендер – культурное, социальное, поведенческое маркирование биологических различий мужчин и женщин. Представление о «типично мужском» и «типично женском» не является постоянным, оно варьируется в разных обществах и меняется со временем. Гендерные нормы усваиваются с детства через социальные институты (семья, школа), средства массовой информации и т.д., диктуя определенные модели поведения, коммуникативные тактики, виды деятельности, влияя на формирование черт характера, специфичных для каждого пола. Интерпретация гендера как социокультурного феномена с неизбежностью обращает исследователей к вопросам его маркирования в языке. В настоящее время установлено, что система данных смыслов находит отражение в различных моделях *речевого* поведения мужчин и женщин, обуславливающих формирование функциональных вариантов *языковых систем*, появление специализированных грамматических, лексических, деривационных средств (в качестве яркого примера назовем выявленные Э. Сэпиром варианты мужского и женского языка в языке яна [1. С. 455–461]),

В одном из направлений гендерных исследований, феминистской лингвистике, была поставлена *проблема андроцентричности языка*. Доказывалось, что в языке зафиксированы патриархальные стереотипы, они навязывают носителям языка картину мира, в которой женщине отводится второстепенная роль. Дискриминация женщин, по мнению представителей данного подхода, выражается в языковом сексизме, или андроцентризме языка, т.е. в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (тема: «Когнитивные модели текстопорождения в коммуникативном существовании языковой личности»; государственный контракт № 14.740.11.0567 от 05.10.2010 г.).

неравномерной представленности в языке лиц разного пола, в преобладании мужских форм в языке, во вторичности номинации лиц женского пола (*авантюрист – авантюристка*), в совпадении во многих языках понятий «человек» и «мужчина», неравноценности наименования одних и тех же профессий (*врач/врачиха*); кроме того, для обозначения профессий с низким социальным статусом имеются только фемининные формы (*техничка, уборщица*), а для обозначения высокого статуса деятельности – только мужская форма (*государственный муж*) [2. С. 16–17]. Позже наряду с терминами «сексизм», «андроцентризм» был введен термин «гендерная асимметрия», так как он нейтрален и не подразумевает дискриминацию. Гендерная асимметрия находит отражение также в системе прямых и переносных лексических значений, отражая сложившиеся в обществе стереотипы, которые тесно связаны с выражением оценки и влияют на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения [2. С. 17]. Вследствие этого гендерные стереотипы могут быть проинтерпретированы в терминах когнитивной лингвистики как идеализированные когнитивные модели Дж. Лакоффа [3. С. 143–184]. Идеализированные когнитивные модели находят многоаспектное и неоднолинейное выражение в системе языковых средств, в том числе в системе концептуальных метафор – **гендерных метафор**, под которыми в гендерной лингвистике понимается перенос не только физических, но и всей совокупности духовных качеств и свойств, объединенных словами *женственность* и *мужественность*, на предметы, с полом не связанные (*мужественность немецкого национального характера vs женственность русского национального характера*) [4]. При таком понимании термина база сравнения (сфера-источник метафорической номинации), как отмечают авторы словаря, отсылает к реальным мужчинам и женщинам, образность метафоры позволяет использовать ее в применении к объектам разного рода, не связанным непосредственно с полом (сфера-мишень метафорической номинации); свойства женственности и мужественности выступают в качестве основы сравнения.

Однако мы полагаем, что интерпретационный потенциал метафоры формируется динамическим взаимодействием трех основных элементов метафорической номинации в условиях относительной самостоятельности каждого из элементов структуры метафорического значения. Прямое номинативное и результативное, метафорическое, значения актуализируют элементы смысла в соотношении друг с другом. Основания метафорических уподоблений (сфера-источник, база метафоры, исходные мотивирующие значения) выступают в качестве своеобразной призмы, высвечивающей определенные свойства сферы-мишени, маркируют в особой языковой форме их значимость. Вследствие этого в качестве **гендерных метафор** мы рассматриваем также метафорические именованья мужчин и женщин, выступающих в качестве средства маркирования «типично мужских» и «типично женских» качеств на основе уподобления явлениям разных понятийных рядов. Приведем контексты актуализации данного, второго типа гендерных метафор: *К десятому сжалились и дразнить перестали, но к этому времени Маруся уже сама была совершенно твердо уверена, что она «облезлая моль» и «серая мышь»* (Т. Устинова. «Русский национальный корпус». Далее – РНК); *И, главное, он сам,*

сам ведь считает себя за *мышь*; его об этом никто не просит; а это важный пункт; Взглянем же теперь на *эту мышь* в действии. Ф. Достоевский (РНК). Полагаем, что в системе таких метафорических номинаций находят свое языковое выражение не только представления об особенностях характера, внешнего вида, поведения человека вообще, но и информация об ограничениях в проявлении этих признаков у мужчин и женщин.

Объект нашего исследования – гендерные метафоры второго типа. Предмет исследования – типы представления гендерной асимметрии в метафорических наименованиях человека и характер ее фиксации в общих толковых и специализированных словарях образной лексики русского языка. Материал исследования – все метафорические наименования лица, зафиксированные в словарях или актуализированные в текстах. Отметим, что, по известным классификациям метафор В.Н. Телии и Н.Д. Арутюновой, рассматриваемые метафорические номинации принадлежат к числу предикативных, как правило, оценочных: они выделяют и характеризуют человека, оценивая его положительно или отрицательно на основе актуализации одного или чаще нескольких соотнесенных признаков.

Исследовательская проблема состоит в том, чтобы выяснить: совокупность подобных метафорических номинаций выявляет общий или гендерно специфичный набор признаков, на основе которых происходит оценивание мужчин и женщин; какова доля в общем числе метафорических номинаций человека именовании, актуализирующих принадлежность признака мужчине или женщине.

В качестве источника материала мы опирались, с одной стороны, на данные толковых словарей русского языка [5–8], словарей образной лексики [9–11], а также текстовые материалы Русского национального корпуса [12], что позволяет поставить вопрос об их репрезентативности при исследовании обозначенной проблемы.

Анализ материала показал, что все образные метафорические наименования лица распадаются на две группы гендерно маркированных и немаркированных метафор.

Гендерно немаркированными называем метафоры, в которых сферой-мишенью является человек вообще, без дифференциации на мужчин и женщин (ср., например: *Мысль, что родная дочь не верит в его ум и даже хотела объявить его сумасшедшим, обратила бы этого агнца в зверя*. Ф. Достоевский (РНК); *Не надо представлять ее таким прям агнцем!* – Женщина + мужчина: Брак / форум (РНК); *Покойнички при ближайшем рассмотрении оказывались не бедными жертвами, не агнцами невинными, а зубастыми волчарами*. Елизавета Козырева (РНК). Соотношение когнитивных структур сферы-источника и сферы-мишени в гендерно немаркированных метафорических номинациях схематически может быть представлено следующим образом:

Сфера-источник А → сфера-мишень «мужчина» (В); аспект сравнения/отождествления – С

Сфера-источник А → сфера-мишень «женщина» (В); аспект сравнения/отождествления – С

Сфера-мишень (В) обобщается до семантики «человек», аспект сравнения представлен единым набором признаков.

Гендерно маркированные метафоры – это метафоры, в которых сферой-мишенью служит лицо определенного пола, мужского или женского, например: БАРАН. О бестолковом, тупом человеке. – *И проголосовали, поставили председателем сельсовета. А толку от него? Как он там был баран, так и тут баран. В свои ворота и то, наверное, затти не может, как вон наши овечки* (СО), а также метафоры, в которых сферой-источником и сферой-мишенью является человек определенного пола: БАБА. О слабом, нерешительном мужчине. – *Бабе поддался – конечно, «бабой» называют* (СО).

Статус семантических компонентов, фиксирующих гендерное ограничение признака, в метафорическом значении различен: это может быть дифференциальный компонент значения или компонент **слабой семантики**. Компонентами слабой семантики мы, вслед за А.И. Барановым, называем элементы, которые актуализируются не во всех контекстах, смыслы, к реализации которых применима квалификация «скорее «да», чем «нет».

Указание в словарных статьях в качестве родовых семантических компонентов «мужчина», «женщина» относит именованья к сильным членам гендерной оппозиции. Однако в ряде случаев при именовании мужчин в толкованиях метафор такого типа используется родовый термин – «человек», ср.: 1) ВАРНАК. Человек плохого поведения, заслуживающий наказания, как каторжник. – *Только по улице бегат, варнак эдакий! У-у, варнак такой! Он небось маленький, ни на кого не похож варнак!* (СО) и 2) ВАРНАЧКА. Женщина, заслуживающая наказания, как каторжник. – *Мать заругается на меня: «У-у, варначка!» Худыми бранями не ругала. Цыпушки, ступайте за матерью. Ишь, варначка!* (СО); 3) КОРОВА. О толстой, неуклюжей и неповоротливой женщине. *Этакая корова!* (СО) и 4) МЕДВЕДЬ. О неповоротливом, неуклюжем человеке. – *Неповоротливых «зверем» зовут, «медведем». Медведь неповоротливый* (СО).

При этом полагаем, что примеры 1–2 и 3–4 демонстрируют разные варианты фиксации гендерных смыслов. В первом случае тип признаков, по которым оцениваются мужчина и женщина, – общий, во втором формируются различные образы, гендерно специфичные.

В группе гендерно маркированных метафор выделяется два вида актуализации гендерной асимметрии: жесткое и нежесткое маркирование гендерной семантики в значении.

В **жестко гендерно маркированных метафорах** сфера-мишень «мужчина» и сфера-мишень «женщина» закреплены за определенными сферами-источниками, что можно отразить в следующей схеме:

Сфера-источник А → сфера-мишень «мужчина» (С); аспект сравнения – Е

Сфера-источник В → сфера-мишень «женщина» (D); аспект сравнения – F

Знаки Е, F маркируют разный набор актуализирующихся в метафоре признаков, различных сфер-источников А и Б.

Приведенные выше метафоры 3–4 относятся к этому подтипу; назовем еще примеры: КАБАН. О грубом, грузном **мужчине** (СО); КОЗА. О резвой, бойкой, вертлявой **девочке или девушке** (СО).

В *нежестко гендерно маркированных метафорах* сфера-источник может сочетаться с разными сферами-мишенями (мужчина, женщина, человек), при этом *основание уподобления/отождествления* меняется. Обозначение в словарных пометах интегральной семы через термин «человек» означает отнесение к слабому члену оппозиции: человек – это либо мужчина, либо женщина и женщина.

Это наиболее широко представленный корпус оценочных метафорических именовании человека, и именно он нуждается в последовательном анализе на значительном корпусе текстов. Исследовав основания метафорического уподобления – дескриптивные и аксиологические смыслы, актуализирующиеся в такого типа наименованиях, мы выявляем системы гендерных стереотипов, активно нерефлексируемых говорящими, но тем не менее существующих и формирующих идеальные когнитивные модели мужчин и женщин в лингвокультуре.

Именно относительно данной группы метафорических предикативных оценочных наименований человека существует разноречивая в лексикографической интерпретации.

Нежестко гендерные метафоры на основании типа соотнесения сферы-источника и сферы мишени делятся далее на несколько подтипов, противопоставляемых вариантами конкретизации сферы-мишени и, соответственно, набора актуализируемых в сравнении признаков. Рассмотрим один из вариантов реализации нежестко гендерной маркированности метафорической номинации, который в схеме можно отразить следующим образом:

Сфера-источник А → сфера-мишень «женщина» (В); аспект сравнения – D

Сфера-источник А → сфера-мишень «человек» (С), аспект сравнения – E

Знаки D, E маркируют разный набор актуализируемых признаков единой сферы-источника А.

К этому подтипу метафорических именовании можно отнести, например, *моль*; прямое номинативное значение лексемы – «небольшая бабочка, гусеница которой является вредителем шерстяных вещей, хлебных зерен и растений» (МАС). Словари не фиксируют переносного значения, однако контексты РНК актуализируют использование лексемы в метафорическом оценочном значении при обозначении лиц мужского и женского пола. При этом проявляются два направления развития исходного образа, имеющие ориентацию на характеристику внешних признаков женщины: невыразительность, бледность, блеклость, соотнесенных в ряде контекстов с неяркостью эмоциональной, слабым проявлением собственно женских черт, о чем свидетельствует типовая сочетаемость. Ср.: *В сторонке – Валюн, рядом с ним девушка – небольшая, неяркая, реснички реденькие, белые, очевидно, Наташа. Чем-то напомнила Борисову Милочку – эдакая моль. Но выражение лица другое – независимое, даже гордое.* И. Грекова; *Моль облезлая, так ее дразнили классе в шестом, наверно.* Татьяна Устинова; *В остальном же, если не считать черную бабочку, которую за мертвенно-белые руки мы с мужем вскоре прозвали **черной молью**, ничего необычного в городке не происходило.* Е. Чижова (РНК).

С другой стороны, контексты фиксируют широкий разброс признаков ассоциирования, не связанных с гендерным маркированием, приведем лишь

некоторые примеры: *Лень, пройди вон там среди гуляющей толпы дворян в шубах. – А молью не пролететь?* – интересовался Ярмольник. – *Такая зимняя моль из-под дворянского платья!*; *Ваше дело ни гроша не стоит, а вы так его раздуете, что сгорите, как моль.* Ю. Домбровский (РНК).

К нежестко гендерным метафорам можно отнести также метафору *лиса*. В текстовых актуализациях данной лексемы сферой-мишенью может выступать лицо женского пола, при этом актуализируются смыслы «рыжеволосая», «с повадками лисы»: *Вспомни, забывшая травы, что у тебя лисопродфиль, / Вспомни, что ты каждым вскидом напоминаешь лису. / В рыжей лукавой головке чувствую косточки лисьи.* И. Северянин; – *Ты пошлешь в логово Олега собственную дочь, Орогост?* – Она – *лиса*. *Хитрая, рыжая, ласковая и беспощадная, уж она-то разузнает, где спрятан княжич Игорь.* Б. Васильев (РНК).

Сфера-источник «лиса» может вступать в метафорические отношения со сферой-мишенью «человек», и в этом случае актуализируется признак «хитрый»: *Здесь я уже робел менее, так как знал, что он человек хоть и хитрый, как лис, но до молодого Шаховского дела ему столько ж, сколько до всех остальных: то есть корень минус единицы.* К. Букша; *Председатель месткома – хитрая лиса – оказывался милашкой, если хлопотал за её комнату, псих главреж становился талантом, если хвалил её на репетиции.* А. Рыбаков; *В мои владения вошла лиса с жалом гадюки... Как ты думаешь, понравилась этой хитрой лисе твоя работа?* В. Запашный; *Такая тактика соответствует традиционному путинскому стилю – президент лишь в редких случаях ведет себя как прямолинейный политик- «лев», предпочитая изощренность политика-«лисы».* И. Бунин; *Самое обидное, что формально он прав. Старая лиса! Наверняка пронюхал, что адвоката на месте нет.* С. Данилюк; *А еще лучше – привлечь к работе лично старую лису Марьяса, который, говорят, испугался, когда узнал, что Алешке китайцы орден вручили за заслуги.* Р. Солнцев (РНК).

Материалы Русского национального корпуса свидетельствуют о ярко выраженной асимметрии в актуализации метафоры *лиса* при именовании мужчин и женщин. Из 622 контекстов актуализации лексемы *лиса* в РНК 88 представлены метафорическими лексико-семантическими вариантами, из них 79 являются номинациями мужчин, 9 – женщин. Именуя мужчину, лексема *лиса*, как правило, характеризует его по деятельности в политической, шире – социальной сфере, именуя женщину – актуализирует и ее внешние признаки (рыжая), и поведенческие, проявляемые прежде всего в сфере межличностных отношений, в том числе межполовых.

Источниковедческий анализ словарей разного типа и материалов РНК в аспекте их репрезентативности при исследовании гендерных метафор анализируемого типа приводит к следующим выводам. Толковые словари могут рассматриваться в качестве важнейшего источника сведений о гендерной асимметрии в представлении того или иного признака как типично мужского или типично женского: указание в толковании метафоры на ограничение носителя признака – «о мужчине», «о женщине», «о девочке», «о девушке» может быть проинтерпретировано как надежное свидетельство жестко гендерно маркированного метафорического значения.

Однако анализ толкований метафорических оценочных наименований лиц в наиболее авторитетных толковых словарях русского языка [5–8] выявил такую закономерность: обозначение мужчины как носителя признака в словарных статьях отмечается непоследовательно. Лексикографическая практика проявляет общую закономерность, обнаруженную в феминистской лингвистике: принадлежность признака женщине фиксируется в качестве сильного члена оппозиции, принадлежность признака мужчине не отражается, как слабый член гендерной оппозиции мужчина-носитель признака маркируется общим именем – *человек*. Для иллюстрации положения приведем в дополнение к ранее представленным еще несколько примеров: БОРОВ. || перен. Непомерно толстый **человек** (СУ); ИНДЮК. Бранно: о глупом, заносчивом, надменном **человеке** (БАС); БОРОВ. Переносно: об очень толстом, упитанном **человеке** (БАС).

Нежестко гендерно маркированные метафорические значения в толковых словарях обычно либо обозначают носителя признака также родовым именем *человек*, либо вообще переносные значения не отражаются в словарных статьях. Так, например, в БАС, СО-Ш не приводятся метафорические значения у слов *козел*, *конь*, *курица*, *моль*, *мышь*, *барсук*, *бык*, *журавль*, *гусыня* и др., в то время как материалы специализированных словарей образных слов и поэтических образов [9–11] представляют контексты актуализации метафорических значений, например: *Я мышью остроглазую пролезу /В испанский лагерь, ветерком провею/ Там, где и мыши хитрой не пролезть*. Э. Багрицкий (СП); *Работает он с утра до ночи, читает массу, отлично помнит все прочитанное, и в этом отношении он не человек, а золото, в остальном же прочем – это ломовой конь, или, как иначе говорят, ученый-тупица*. А. Чехов (СП); *И досаднее всего, что курица Гнеккер оказывается умнее орла-профессора*. А. Чехов (СК-П); *Ну, попадья – добрая, смиренная курица, лепечет без умолку, поет, охотница шептаться, особенно с Верой: так и щебечет, и все на ухо*. И. Гончаров; *Он падал мне в ноги и плакал, он целовал вот эти сапоги... Эта болезненная курица в падучей болезни со слабым умом*. Ф. Достоевский (СП; СК-П).

Рассмотрим, отражается ли гендерная асимметрия в словарях образной лексики, а если отражается, то каковы способы ее представления.

Словарные материалы специализированных словарей представляют разные типы образных слов и выражений: собственно метафоры, сравнительные обороты, собственно образные слова, как их определяет О.И. Блинова [11], как следствие, более широко включают лексемы рассматриваемого нами типа по сравнению с толковыми словарями, представляя в иллюстративной части словарей метафоры с жестким и слабым маркированием гендерных отношений.

«Словарь образных слов и выражений народного говора» (под ред. О.И. Блиновой) [11] строится по принципу толкового словаря с алфавитным расположением материала. При этом в дефиниции метафорического значения лицо-носитель признака маркируется двумя способами: указанием на гендерные ограничения носителя признака и без такового, преобладает второй тип, ср.: ВЕРЕТЕНО. О худом и высоком **человеке**; БАКЛАН. О неповоротливом, крупном, как птица баклан, **человеке**; БАРСУК. О слишком толстом

человеке; ВЬЮЛА. Об энергичном, активном, деятельном **человеке**; ВОРОНА. Рассеянный, невнимательный **человек**; разиня; ГУСЫНЯ. Гордая **женщина**; ДИЧЬ. Угрюмый, нелюдимый, словно дикий, **человек**; БОРОВ. О **человеке** с крепким здоровьем; ЖЕРЕБЕЦ. О рослом, здоровом, словно конь, **мужчине**; БОГИНЯ. О красивой, здоровой **женщине**. В случаях маркирования лица-носителя признака общим именем *человек*, в иллюстративной части словаря приводятся контексты, в которых соответствующие имена обозначают как мужчин, так и женщин, ср.: – *О, ворона, ты проворонила, – мужик у меня часто эту поговорку говорит; Вьюла, это хорошо, она быстро всё делает, быстро работает; Выдешь на улицу, потеряешь дело. Дураки, жеребцы! Стукнул раз и отработал* (СО). Как представляется, словник словаря, толкования значений и приводимые контексты могут служить надежным источником для выявления состава жестко гендерно маркированной лексики, однако на основе анализа материалов словаря также невозможно разграничение гендерно немаркированных и слабо гендерно маркированных метафорических номинаций.

Словари Н.В. Павлович и Н.А. Кожевниковой, З.Ю. Петровой представляют парадигмы образов русской художественной литературы, в том числе и материал собственно метафорический, располагая лексические ряды в соответствии с идеографическим принципом. В словаре Н.В. Павлович категория «Человек» как сфера метафорической экспансии выделяется на втором уровне (первый уровень членения: Живые существа – Органы и части тела – Бытие – Ментальное – Словесное искусство – Информация – Социальное – Транспорт и движение – Орудия – Еда и напитки – Ткани и изделия из ткани). Раздел «Живые существа» включает на одном уровне обобщения подразделы: Человек – Труп – Люди – Женщина – Мужчина и Женщина – Человек в доме – Воин – Царь и др. Таким образом, мы можем констатировать, что материалы словаря отражают принцип гендерной асимметрии: категория «Женщина» сопоставляется с категорией «Человек», мужчина как объект образной интерпретации не выделяется, будучи интегрированным в более общую категорию «Человек».

В словаре Н.А. Кожевниковой и З.Ю. Петровой анализируемые нами метафоры представлены в разделе «Птицы как образ сравнения», в котором семантическая сфера «птицы» служит сферой-источником метафорической экспансии. Раздел членится также по идеографическому принципу на подразделы: I Человек – II Время – III Окружающий мир. Подраздел «Человек» членится далее на группы: 1) человек, 2) поэт, 3) совокупности людей, 4) жилище человека и т.д. Как видим, гендерная асимметрия отражается при построении и этого словаря, но в другом, более латентном варианте: гендерное противопоставление именуемых признаков не маркируется в структуре словаря, носитель признака характеризуется общим именем «человек», «поэт», обозначающим и носителя определенных признаков недифференцировано относительно половых/гендерных различий, и мужчину. В структуре словарной статьи в качестве примеров приводятся метафорические именованья как мужчин, так и женщин, ср. приводимые выше контексты с метафорическим именем *курица* из этого словаря. Обращение к иллюстративным материалам данного словаря в аспекте выявления гендерных противопоставлений позво-

ляет обнаружить тенденции в закреплении гендерно специфичных признаков в системе образных номинаций, однако на их основе также не представляется возможным выделить нежестко гендерно противопоставленные метафорические именованья. Эта задача может успешно решаться с опорой на данные Русского национального корпуса, из которого могут извлекаться достаточно репрезентативные выборки контекстов актуализации оценочных метафорических именованья лица. На основе контекстного анализа единиц заданного лексического ряда можно выявить тенденции в закреплении соответствующих имен за выполнением функции именованья гендерно дифференцированных или недифференцированных признаков. В качестве доказательства этого тезиса в дополнение к приведенному ранее описанию гендерной актуализации переносного значения слова *лиса* приведем результаты анализа источников в аспекте представления гендерных метафор *гусь, гусак, гусыня* в словарях и РНК.

Словари в толковании переносного значения лексемы *гусыня* маркируют носителя признака – женщина, о женщине; при толковании метафорических значений лексем *гусь, гусак* дефиниции отсылают не к мужчине как носителю признаков, но человеку вообще, отражая общую тенденцию, ср.: ГУСЬ: Переносно. В просторечии. Пренебрежительное обращение или отзыв о человеке, иногда с намеком на его отрицательные качества: плутовство, глупость и т. п. (БАС); О ненадежном или плутоватом человеке (часто в сочетаниях: ну и гусь, что за гусь, хорош гусь и т. п.) (МАС).

В РНК найдено 1239 документов на запрос «гусь», из них 157 актуализаций метафорического значения (исключая сравнительные обороты). Из общего числа метафорических актуализаций 126 представляют оценочные именованья мужчин в соответствии с толкованием в БАС; приведем типичные контексты: *Ишь ты ведь гусь какой! Из тюрьмы на поруки отпущен, а сам места ищет!* В. Крестовский; *Репутацию мою нуще всего здесь этот проклятый гусь подкузьмил, – повернулся он опять к Илюше.* Ф. Достоевский.

В 18 контекстах метафорический ЛСВ представлен в форме множественного числа, не позволяющего абсолютно однозначно оценить отнесение характеризующего имени к человеку вообще или к мужчине. При этом контекстный анализ свидетельствует, что и эти примеры говорят об общей тенденции – именовании данным именем мужчины: *Председатель, отставной чиновник Феонов, – сутяга и приказная строка, каких свет не производил; два члена еще лучше: один – доктор-акушер семидесяти восьми лет, а другой – из проворовавшихся станových приставов, отсидевший в остроге три года... Хороши гуси, нечего сказать! А главное: председатель получает тридцать рублей жалованья, а члены по двадцать восемь рублей.* Д. Мамин-Сибиряк.

Единичны переносные именованья мужчин, созданные на основе других ассоциативных признаков: *Мне кажется, Гусинский в глубине души на это очень рассчитывал. В прошлом году Москву даже облетел слух: «Гусь вернулся, сидит затворником у себя на даче в Чигасове!».* Л. Велехов; *Да он не теленок, я им не торгую. – А мой-то – гусь, что ли? – и привстала, к матери присунулась. – А коли не гусь, так за чем же дело стало?* Б. Житков.

И только в одном контексте актуализируется переносное оценочное имя по отношению к человеку вообще: *«Каков человек гусь», – думал Кориунов,*

старательно уходя в мысли от конкретных поступков в обобщение. Строго-го суда над собой, человеком, не получалось. Г. Щербакова.

Эта же закономерность проявлена в лексикографическом представлении лексемы *гусак* и контекстах ее актуализации в РНК: ГУСАК. Бранно. О надутом глупом человеке (БАС); в РНК найдено 97 документов, среди которых 4 метафорических контекста актуализируют смыслы, проинтерпретированные в толковании в БАС, и другие, более пересекающиеся с дефиницией переносного значения слова *гусь*, ср.: *Так Дашевскому и передай. Фархадов-де велел другого «шестерку» прислать. Не такого прыткого. Ишь каков гусак оказался! Тихой сапой с Фархадовым породниться надумал.* С. Данилюк.

БАС представляет использование имени *гусыня* для характеристики женщины только в сравнительном, не собственно метафорическом употреблении: «В сравнении. *Я каждый день видел, как эта дама, очень полная, пухлая, важная, похожая на откормленную гусыню, гуляла по саду в русском костюме с бусами, всегда под зонтиком.* А. Чехов».

Из 62 контекстов актуализации лексемы *гусыня* в РНК только в 13 контекстах актуализируются оценочные номинации женщин: *Нина Константиновна, глупая гусыня, приговаривала: – Ничего, родная, не переживайте.* И. Грекова. Один контекст выявляет возможность актуализации признака, разрушающего жесткость гендерной направленности в актуализации признака: *Гусятами за гусыней топали мы по грязи за грубым старшим лейтенантом, который привел нас в бревенчатое строение, когда-то бывшее школой.* А. Азольский.

Таким образом, анализ словарей на фоне данных Русского национального корпуса выявляет в их материалах двойную репрезентацию гендерной асимметрии. С одной стороны, в словарях отражается асимметричное закрепление разного типа признаков за мужчинами и женщинами, существующих в русской лингвокультуре. С другой стороны, гендерную асимметричность проявляют в своей деятельности авторы словарей, толкуя именованья мужчин через родовой признак «человек», в то время как женские оценочные метафорические имена толкуются через отнесение не к общей группе – «человек», но к гендерной подгруппе – «женщина».

Литература

1. Сэпир Э. Мужской и женский варианты речи в языке яна // Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 455–461.
2. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. М., 2005. С. 7–32.
3. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1995. С. 143–184.
4. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/alpha.htm>
5. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: АН СССР. 1950–1965. Т. 1–17 (БАС).
6. Словарь русского языка: в 4 т / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981 Т. 1–4 (МАС).
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940 (СУ).
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992 (СО-Ш).

9. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX вв.: в 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999 (СП).

10. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1: "Птицы". М.: Языки русской культуры, 2000 (СК–П).

11. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск: НТЛ, 1997 (СО).

12. Русский национальный корпус // Интернет-ресурс, режим доступа: [http:// www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html](http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html) (РНК).